

Энрико Берлингуэр и реформа итальянского коммунизма.

Матюхина В. Email: Wispard47@yandex.ru

Матюхина Валентина Владимировна – аспирант,

кафедра зарубежного регионоведения,

Российский Государственный Гуманитарный Университет, г. Москва

Аннотация: *Лидер итальянских коммунистов - Энрико Берлингуэр знал, как правильно читать политическую ситуацию в стране, в нем был реализм в сочетании с невозможностью предсказывать новые этические мотивы политики, в контексте демократии, как это видно из неудачного проекта Еврокоммунизма (с французскими коммунистами и испанцами) и в идее найти третий путь между реальным социализмом и капитализмом. Конечно, эти решения, Берлингуэр не принимал в одиночку, партия, состоящей из честных соратников всегда следовала за ним.*

Ключевые слова: *Итальянская коммунистическая партия (ИКП), Еврокоммунизм, Социализм, Капитализм, Демократия, Советский союз, Динамичная концепция европейского пространства.*

Enrico Berlinguer and the reform of Italian communism.

Matiukhina V. Email: Wispard47@yandex.ru

Matiukhina Valentina – graduate student

Department of Foreign Regional Studies

Russian State University for the Humanities

Abstract: *The Italian Communist leader Enrico Berlinguer knew how to correctly read the political situation in the country, he had realism combined with the failure to predict new ethical motives for politics, in the context of democracy, as evidenced by the unsuccessful project of Eurocomunism (with the French Communists and Spanish) and*

in the idea of finding the third path between real socialism and capitalism. Of course, these decisions, Berlinguer did not take alone, the party consisting of honest associates always followed him.

Keywords: The Italian Communist Party (ICP), Eurocommunism, Socialism, Capitalism, Democracy, the Soviet Union, Dynamic concept of the Europe.

УДК 94(41/99)

Фигура Энрико Берлингуэра продолжает быть объектом памяти, общественной полемики и политических споров, в то время как его подлинная роль в истории итальянского коммунизма, только начинает медленно обретать форму в современной историографии. Это случилось в следствии того, что произошла смена координатов политических дискуссий. Так Энрико Берлингуэр предстает недоброжелателем, который слишком лояльно относился к СССР, фундаментально отчужденным моралистом, который принципиально чужд и враждебен итальянской современности. Однако коммунистическая партия видела в нем лидера, который отделил итальянский коммунизм от международного и как одного из немногих, если не единственного итальянского политика своего времени, обладающего понятием политики, основанной на этических мотивах.

Как заметил Эмануэле Макалузо, «есть те, кто считают его важной частью политической истории Италии и те кто считает, что лучше всего его просто забыть, последние обвиняют его в том что он был среди тех, кто несет ответственность за кризис, который начался сразу после его ухода с политической арены». [1] Возможно, это мнение несколько схематично, но оно соответствует сути вещей в современных публичных дебатах. Дело в том, что каждое из вышеупомянутых мнений кажется не слишком убедительным, чтобы понять реальное историческое положение фигуры Берлингуэра в семидесятых и

восемидесятих годах в Италии. Они служат лишь для определения отправной точки исторического размышления о последствиях политики Берлингуэра: массового партийного кризиса, упадка основных политических партий, вопроса о модернизации Италии и ее связи с национальной принадлежностью, кризис биполяризма, упадок Советского Союза и прочее. И вместе с тем, остался открытым вопрос о политической культуре Италии и идентичности итальянских «левых».

Что касается идентичности итальянских «левых», историки снова оживленно начали обсуждать предпосылки глубокого партийного кризиса в более общем контексте кризиса республики. Именно последние годы жизни Энрико Берлингуэра по мнению историков, стали основной предпосылкой. Однако международный аспект все еще широко обсуждается, за исключением некоторых попыток включить роль ИКП Берлингуэра в длительную эпоху «холодной войны» и вопросы внешней политики, которые отмечали проблемы республики в течение семидесятих годов. Пренебрежение международной политикой Берлингуэр отражает, возможно, старый порок итальянской историографии, но в значительной степени является следствием тенденции указывать на личный дуализм между фигурами Берлингуэра и Кракси. Тем не менее, понимание роли и действий Берлингуэра невозможно, если оно ограничено лишнего национальной работой. Такое определение относится к методологическому призыву, столь же очевидному, который игнорируется, на самом деле, применимому к любому главному политическому лидеру в республиканской истории. Фактически, у Энрико Берлингуэра была особенность, которая сделала его отношения с международной политикой решающими. Эта особенность касается не только постепенного отчуждения Советского Союза и появления еврокоммунизма, который привлек внимание большинства наблюдателей того времени: хотя эта тема должна была сохранить свою центральность до конца, как в ее последствиях оказались как положительные, так и отрицательные события. Фактором национальных и международных

изменений, принятых итальянскими коммунистами как термин, противостоящий СССР, еврокоммунизм не может быть ретроспективно замечен в ключевых двусторонних отношениях в коммунистическом мире.[2]

Берлингуэр на самом деле был создателем внешней политики ИКП, без которого термин «исторического компромисса» не обладал бы достаточной силой, который обеспечил итальянскому коммунизму резонанс в мире, которого никогда не существовало ранее и никогда не смогли снова воссоздать уже после его смерти. Центрами его внешней политики было видение европейского расширения как тесно связанного процесса, но отличное от биполярного расслабления и диалога между двумя сверхдержавами; начало «европеизма» итальянских коммунистов, которые слишком решительно относились к необходимой автономии Европы в международной политике, признание политико-военных союзов Италии и идея о том, что будущее «преодоление блоков» может возникнуть только из-за факта их существования и возобновления роли европейских политических партий. Вокруг этой политики, которая не отрицала, но дополняла традиционный термин антиимпериализма, в группе коммунистического руководства был достигнут консенсус, который продлился до смерти Берлингуэра. Вместо оригинального новаторства, политика Берлингуэра кажется нам необходимой ликвидацией черт коммунистической политики в международных отношениях. Появление собственной «внешней политики» потребовало, чтобы ИКП выполняла свою функцию в качестве альтернативы итальянским амбициям сыграть роль в отношениях между Востоком и Западом, которые заметно уменьшились в начале семидесятых годов, особенно в результате геополитических принципов, принятых президентом Никсона.

Поддержка процессов европейской интеграции в контексте расширения двух блоков заключалась в переходе ИКП к воодушевлению сил европейского социализма и выработке соответствующего видения национальных интересов, сближающегося с силами правительства.[4]

Европейское преобразование ИКП означало таким образом переопределение международной роли партии, незаменимой роли, когда она во время опыта правительств «национального единства» с 1976 по 1979 год.

Берлингер управлял ИКП в ключе, непрерывности преемственности с Тольятти, но также подразумевал одно небольшое изменение: не было больше противопоставления между своеобразным «национальным путем развития» и международной привязкой к традиционным принципам, это было пересоздание роли, способной сочетать национальные и международные элементы, путем изменения, прежде всего, второго. Берлингуэр не просто признал позицию итальянских коммунистов в западном мире, а укрепил ее.

Проблема заключалась в том, чтобы предложить коммунистический ответ на кризис и чрезвычайные ситуации в Италии в 1970-х годах путем интеграции политических рамок итальянской демократии как аспекта более общих изменений в европейской политике после острой фазы «холодной войны». [3]

Берлингуэр понял, что западный коммунизм не сможет избежать перемен, несмотря на утрату актуальности советского коммунизма и растущее негативное восприятие «реального социализма» у молодых поколений. По этой причине внешняя политика стала определяющей частью политического настроения Берлингуэра, и в то же время международные обстоятельства того времени оказали определенное влияние на характеристики и результаты его политических действий. Это контекст, необходимый для понимания взаимосвязи между новой политикой ИКП и наследием идеологической, организационной и финансовой связи с СССР. Нельзя игнорировать огромную роль связи с СССР, как составляющий момент ИКП, восстановленная после Второй мировой войны, через антифашистскую идентичность, приобретенную коммунизмом. С этим наследием, оставленным Тольятти, должен был справляться Берлингуэр и эта работа привела его к концу. В отличие от того, что часто доказывают в противоположных версиях, которые все еще доминируют в публичном дискурсе, Берлингуэр не просто управлял тактическими отношениями, которые были в

основном идентичны прошлому. Хотя связь с СССР уже не была такой сильной, как в начале, но она все равно оставалась. Именно из-за остаточности отношений с СССР, связь с советским коммунизмом довела до конца ориентацию политики, культуру, образ и восприятие итальянского коммунизма в национальном и международном контексте. Было бы неправильно рассматривать политику Берлингуэра без учета такого взаимодействия между СССР и ИКП.

Этапы появления политики Берлингуэра четко определены, но необходимо выделить определенные особенности. Первая - это синхронность, которая сложилась в конце 1960-х годов между несогласием, проявленным итальянскими коммунистами до советского вторжения в Чехословакию, и их поддержкой «Остполитика» Вилли Брандта: это была первая попытка пересмотра «интернационализма», коммунист, которому суждено оставаться исключительной собственностью ИКП. В последующие годы эта оригинальная особенность не была потеряна и действительно консолидирована с того время руководства Берлингуэра. Таким образом, защита «Пражской весны» итальянскими коммунистами не сводилась к эпизоду, предназначенному для возвращения, как в случае с французскими коммунистами: он был связан с политическим выбором, который ликвидировал безусловное членство в ИКП в «социалистическом лагере» и у ИКП было привилегированное место для международных действий и в качестве основы для политических изменений в Европе. В этом отношении итальянские коммунисты взяли на себя всю амбивалентность Остполитика: отказ от советской доктрины ограниченного суверенитета в центральной и восточной Европе («брежневская доктрина») сопровождался признанием легитимности сферы влияния Советского Союза, среди прочего, принял к сведению «нормализацию» в Чехословакии, а стремление к внутренним изменениям продвигалось исключительно коммунистическими лидерами. В случае ИКП двусмысленность была явно более выраженной по ряду причин, которые отличали ее позиции от позиций немецких социал-демократов: неспособность признать, что несогласие с вторжением в

Чехословакию потребует пересмотра соглашения принятого во время вторжения в Венгрию в 1956 году; влияние антиантантства, которое на данный момент не имело преобладания и вместо этого было поддержано коммунистическим народом против войны во Вьетнаме. Эти амбивалентности повлияли на политику Берлингуэра. На самом деле он никогда не расторгал связь между защитой человеческого социализма и ориентацией на европейское пространство.[6]

Второе - это взаимозависимость между выбором ИКП в пользу европейской интеграции и попыткой построить западный коммунистический полюс. Это двойной элемент, возникший в конце 1960-х годов в связи с влиянием репрессий «Пражской весны», но который был действительно развит только после первых ощутимых результатов (соглашения США и Советского Союза 1972 года о ПРО, договоры между Федеративной Республикой Германией, Германской Демократической Республикой и Советским Союзом 1970 и 1972 годов) и после расширения Европейского союза до девяти членов (1972 год). Пересмотр первоначального негативного решения ИКП по Европейскому союзу и его последствия для Италии были начаты до 1968 года.

Реалистичный факт, что присоединение к Европейскому союзу благоприятствовал экономическому развитию Италии, постепенно уступил место положительному одобрению, а антимонопольные волны были заменены возможностью политической демократизации институтов Евросоюза. Все это закончилось созданием ИКП в начале семидесятых, поздним пришествием, легитимной силы итальянского европеизма, что способствовало ориентированию важных фрагментов национального общественного мнения в этом отношении. Новый «европеизм» ИКП, в свою очередь, привел к попытке объединить западных коммунистов. Предложения, возникшие в 1968 году вдохновленные «полицентризмом» Юга, были воплощены Берлингуэром в политическом предложении, направленном прежде всего на Французскую коммунистическую партию, единственную значительную коммунистическую западную партию в дополнение к ИКП. Примерно в середине десятилетия политика, продвигаемая

итальянскими коммунистами, уступила место феномену еврокоммунизма, официально начатого Берлингер, Марше и Каррильо в 1977 году. Даже в этом случае нетрудно указать на фундаментальную амбивалентность: только для итальянских коммунистов, на самом деле, этот термин ссылался на идеал западного социализма в демократии и европейском выборе; так что это не было для французов, несколько более неустойчивым, связанным с традиционной концепцией национального суверенитета и подчиняющейся обусловливанию философия.[7] Это с самого начала скомпрометировало возможность того, что еврокоммунизм может стать подлинным политическим движением. Скорее это было изобретением итальянских коммунистов, и как таковая была подчеркнута политическую роль, скрывая, однако, значительную международную изоляцию: непоследовательные союзы с западными коммунистами не могли заменить старую систему, советским коммунизмом, теперь оставленному в прошлом. Отношения с социал-демократами все еще были ограничены и, прежде всего, лишены политической воли и интеграции итальянских коммунистов в европейский социализм.[5]

И третье - попытка устранить противоречие между европеизмом и антиатлантизмом, которой управлял Берлингуэр в период между 1973 и 1976 годами. Согласно последовательности, в которой подчеркивается сознательный поиск большей политической согласованности, Берлингуэр придумал формулу Европы «ни антисоветскую, ни антиамериканскую» (январь 1973 г.), а затем заявил, что ИКП отказалась от идеи убедить Италию выйти из своих альянсов (Декабрь 1974 г.) он также утверждал, что перспектива социализма на Западе, проводимая ИКП, была менее рискованной в контексте НАТО, чем в случае Варшавского договора (июнь 1976 г.). Другими словами, Берлингуэр выразил осторожное суждение о политико-военных союзах Италии. Это не изменило крайнего недоверия Генри Киссинджера (но и ведущих европейских правителей) в адрес итальянского коммунизма, рассматриваемого поочередно как тактический вариант советского коммунизма или как автономный и наиболее

ненадежный феномен. Тем не менее, это была предпосылка для участия ИКП в опыте «национального единства» и, в частности, за всеобщее голосование по внешней политике Италии, высказанное парламентом в ноябре 1977 года. И тогда коммунистический европеизм перестал страдать от менее достоверного различия между Европейским союзом и НАТО, все еще живым в конце 1960-х годов, и это на самом деле должно считаться одним из ведущих успехов Берлингуэра. Тем не менее, ИКП поддержала стремление следовать политике, которая могла бы отличить себя от других национальных и европейских политических сил. Это произошло, в частности, перед лицом внутреннего кризиса «национального единства» и в подавляющем международном кризисе в 1978-79 гг. [8]

Если эти три особенности, описанные выше, лежат в основе внешней политики Берлингуэра, каждая из них относится к наследию связи с Советским Союзом. Берлингуэр был не единственным западным коммунистическим лидером, который выдвигал критику советской модели, составленной в скромном осуждении «нелиберальных черт» режима: другие западные коммунисты, такие как Сантьяго Каррильо, продвигались дальше, по крайней мере, на грани утверждений. Однако Берлингуэр добился от главной коммунистической партии от «социалистического лагеря», системы транснациональных отношений, в которой доминировала политическая политика Москвы и ее идеологическая основа. Хотя даже на конфиденциальном уровне, первоначальные разногласия ИКП против советского вторжения в Чехословакию не обязательно были предназначены для достижения такого результата. Лонго и другие высокопоставленные руководители ЧКВ (начиная с самого Берлингуэра) были в состоянии отстаивать свои собственные причины, а также избегать любого разрыва отношений с СССР. Став Генеральным секретарем, Берлингер должен был оставаться верным этой линии, что можно было бы суммировать по формуле «ни ортодоксия, ни ереси». Но именно его политическая акция мешала возвращению после Чехословакии возвращения в дом матери, равно как и советское ожидание. Он переместил существенные элементы связи с СССР с

идеологической лояльности к политической ориентации. При этом он поддерживал благоприятные отношения с политикой Брежнева, но разработал другую и даже противоречивую концепцию с Советским Союзом.

Связь между Пражской весной и европейской экспансией означала свержение советского политического видения, которое противоречило идее о том, что подавление центробежных тенденций в собственной сфере влияния было основным условием биполярной релаксации. Советский союз не придавал значения политическим изменениям в Европе, а только стабилизировал и взаимно легитимировал блок: противоположность ожиданий и интересов как немецких социал-демократов, так и итальянских коммунистов. Кроме того, та же связь между сообщением о динамичной концепции европейского пространства и успешным завоеванием принципов демократии не могла быть воспринята Москвой как реальная угроза ее господству в Центральной и Восточной Европе. По этой причине реальным политическим разделением между ИКП и Советским союзом был европеизм итальянских коммунистов и его следствие для строительства западного коммунистического полюса. Отстранение антиармантизма от позиций итальянских коммунистов было не столько беспокойством о СССР, сколько его включением в процесс политических изменений, а не только признание блоков. Появление возможного раскола, которому угрожали опасения не только потому, что он показал потерю остаточного влияния, которое Москва собиралась оказать в Западной Европе, но прежде всего потому, что она создала неконтролируемую модификацию политических структур за пределами от заранее организованных схем «холодной войны» и, вероятно, привлекательности Москвы и политики СССР для других стран в Центральной и Восточной Европе. Недоверие, которое она всегда питало к Берлингеру, вызвало настоящую враждебность. Отношения с ИКП окончательно ухудшились из-за разгневанной реакции Советского Союза на кризис биполярного расстройств, в значительной степени вызванного самими Советским союзом, игнорируя требования Хельсинки о правах человека и

размещение нового поколения ракет в Европе, вероятно, с целью использования их в качестве контролирующего устройства. Именно тогда в адрес ИКП была обращена настоящая московская агрессия, хотя она все еще не оглашалась публично. Нападение Брежнева, Суслова и Пономарева на Берлингуэра в 1977-78 годах было просьбой вернуться к старому строю, отказаться от еврокоммунизма и ликвидировать все основные внешнеполитические позиции итальянских коммунистов. Это было полностью проигнорировано Берлингуэром, и именно этот эпизод кажется нам возможным поводом к поворотному моменту в отношениях между двумя странами. Именно тогда Берлингуэра окончательно отказался от прямого финансирования СССР.

Таким образом, враждебность Москвы к перспективам правительства ИКП оказалась не ниже, чем у Вашингтона: это был действительно общий признанный факт, раскрывший общий страх, что еврокоммунизм ослабил четкое разделение геополитических границ в Европе. Важнейшие международные события, которые произошли в конце 70-х годов и начале следующего десятилетия, были фундаментальным испытанием отделения итальянского коммунизма от Советского Союза. Берлингуэр последовательно реагировал на вторжение в Афганистан, а затем на кризис, вызванный рождением свободного профсоюзного движения в Польше. Напротив, Берлингуэр критиковал политику советской власти и склонность использовать авторитарный ответ, уже очевидный перед переворотом генерала Ярузельского.

Во время военного переворота в декабре 1981 года он осудил первое публичное нападение на советскую сторону, все выглядело как «разрыв» между ИКП и СССР, логическое и конечное следствие еврокоммунизма. Замораживание отношений с Москвой ознаменовало собой последнее решение Берлингуэра по внешней политике. [9]

Иллюзии реформационного коммунизма уже можно было увидеть, когда Берлингуэр был еще жив. В начале 80-х годов возникновение массового антисемитического движения в Польше показало, что историческое время

«реформ сверху вниз», продвигаемое восточными лидерами, скорее всего, истечет раньше времени, и предоставило модель «нисходящего» изменения, которое характеризовало бы «бархатные революции» в конце десятилетия. В другой половине континента еврокоммунизм не был принят, а его импульсный драйв исчерпал себя, не создавая политического движения, достойного этого имени, идентифицируемого с «традицией реформирования» в коммунизме: его провал означал на самом деле маргинализацию последней организованной политической культуры, которая квалифицировалась в Западной Европе как наследник революционного социализма. Трансформация политической культуры итальянского коммунизма была подлинным фактом, но она также была аномальной в панораме европейских политических культур. Его проблема идентичности отвечала реальной потребности, но отражала эволюцию глубоких культурных и политических противоречий. Баланс международной политики Берлингуэра заключался в огромном резонансе и парадоксальном одиночестве. Он мог похвалиться необратимыми преобразованиями, но также показал кризис без каких-либо перспектив.

Список литературы/References

1. P. Craveri, L'ultimo Berlinguer e la questione socialista // in «Ventunesimo secolo», marzo 2002;
2. A. Varsori, L'Italia nelle relazioni internazionali dal 1943 al 1992 // Laterza, Bari-Roma 1998, p. 182.
3. S. Courtois, M. Lazar, Histoire du Parti communiste français // PUF, Parigi 1995, pp. 363-68.
4. G. Vacca, Vent'anni dopo. La sinistra tra mutamenti e revisioni // Einaudi, Torino 1997, p. 13
5. M. Maggiorani, L'Europa degli altri. Comunisti italiani e integrazione europea (1957-1969) // Carocci, Roma 1998.

6. Maud Bracke, Is it possible to be Revolutionary without being Internationalist? West European Communism, Proletarian Internationalism and the Czechoslovak Crisis of 1968-69. A Comparative Study of the French and Italian Communist Parties // IUE, Firenze 2004.
7. A. Agosti, Bandiere rosse Un profilo storico dei comunismi europei // Editori Riuniti, Roma 1999, pp. 280-87.
8. V. Riva, Oro da Mosca. I finanziamenti sovietici al PCI dalla Rivoluzione d'Ottobre al crollo dell'URSS // Mondadori, Milano 1999.
URL:<http://www.sissco.it/recensione-annale/valerio-riva-oro-da-mosca-i-finanziamenti-sovietici-al-pci-dalla> (Дата обращения 01.09.2018)
9. R. L. Garthoff, A Journey Through the Cold War. A Memoir of Containment and Coexistence // Brookings Institution Press, Washington D.C. 2001, p. 388.